

Н.В. Сильченко
ЗАКОН: ЭТИМОЛОГИЯ СЛОВА И ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ

Прежде чем прийти к общественному осмыслению законов, управляющих развитием природы и общества, человек научился осознавать закон более узко: как определенное правило поведения людей в обществе. Так, греческое слово «*nomos*» первоначально означало «пастбище», позднее – «местопребывание, раздел земли», а затем – «обычай, нрав, закон»¹.

Римское слово «*lex*» происходит от корня слова, обозначающего «связывать, обязывать» или же от слова «читать, провозглашать». Так или иначе, значение его указывает на внешний, более принудительный характер, чем у греков². Большая принудительность значения римского «*lex*» скорее всего обусловлена тем, что этот термин обозначал акты, исходящие от органов политической публичной власти, а не сложившиеся эволюционным путем древние обычаи и традиции. Первоначальные правовые представления в Древнем Риме носили теономный характер, а право понималось как божественное право и божественные веления и обозначалось термином «*fas*»³. Светское, в том числе и обычное, человеческое право, в отличие от божественного начали обозначать термином «*jus*» термин же «*lex*» использовался для обозначения лишь одного из источников позитивного права, т. е. права, исходящего от органов политической власти. Учитывая то, что в древности правовые акты, исходящие от органов государственной власти, как правило, публично провозглашались и приобретали после этого общеобязательное значение, термин «*lex*» может быть переведен как публичное (официальное) обязывание.

Немалый интерес представляет этимология русского слова «закон». Владимир Даль толкует это слово так: «Закон это то, чем дело закончено, предел, поставленный свободе воли или действий; неминуемое начало, основание; правило постановление высшей власти»⁵. С. И. Ожегов под словом «закон» понимает: «1) связь и взаимозависимость каких-нибудь явлений объективной действительности; 2) постановление государственной власти; 3) общеобязательное правило, то, что признается обязательным»⁶.

Более подробное объяснение происхождения и содержания юридического термина «закон» дано в юридической литературе С.С. Алексеевым и Е. А. Лукьяновой⁷.

Известно, что основные документы, издававшиеся князьями Древней Руси, именовались «уставами», «грамотами», «судебниками», «уроками», «правдами». Вместе с тем использовался и термин «закон». О «законе русском» говорится в договорах с греками русских князей Олега, Игоря, Святослава. Анализируя этот факт, С. С. Алексеев и Е. А. Лукьянова полагают, что под законом в этих договорах понимались строгие русские обычаи, неписанные, непререкаемые традиции. Такое объяснение, на наш взгляд, не является правильным. Скорее всего термин «закон» в договорах, заключаемых князьями Древней Руси с греками, обозначал не только обычаи и традиции, но был собирательным понятием, включавшим в себя также религиозные нормы и правила, которые издавали князья, реализуя свои властные полномочия. А если исходить из того, что под термином «закон русский» понимались только обычаи и традиции, то из сферы действия договора русских с греками исключались бы христиане. Но ни один из известных нам договоров русских князей с греками каких-либо указаний на этот счет не содержит. Русь христианского вероисповедания, равно как и некрещеная Русь, пользовались по данным договорам равными правами и несли равные обязанности. Следовательно «закон русский» включал в

себя: нормы поведения язычников, а в основном это были обычаи и традиции; правила поведения русских христиан, состоящие в первую очередь из религиозных правил поведения, а также из вековых традиций.

Важное место в системе нормативного регулирования раннеклассового русского общества занимали нормы, издаваемые (точнее – устанавливаемые) князьями. И хотя конкретных исторических данных на этот счет нет, а первым из известных источников права принято считать «Русскую Правду» Ярослава, с теоретических позиций существование норм права, устанавливаемых князьями задолго до появления «Русской Правды», не может вызывать серьезных возражений.

Уже сложившаяся во времена Олега и Игоря система сбора дани несомненно требовала определенной процедуры устанавливаемых князем норм этой дани. Игоря же можно считать одной из первых жертв несоблюдения установленных княжеской властью норм права. По договору 944 г. Игоря с греками был определен порядок удостоверения личности приходящих из Руси в Византию купцов и послов. Они должны были предъявить византийским чиновникам грамоты, подписанные канцелярией великого русского князя и адресованные непосредственно на имя византийского императора.

Анализируя этот факт, историк А. Н. Сахаров пришел к выводу, что эти новые (по сравнению с договором Олега 911 г.) **пункты** договора свидетельствуют об усилении государственных тенденций на Руси, о том, что киевский князь практически взял под свой контроль все контакты русских с Византией, откуда бы они ни были – Киева, Чернигова, Переяславля, Полоцка или других городов⁸. Следовательно, уже в то время значительно возросла нормотворческая деятельность киевских князей: их акты стали регулировать не только отношения по поводу сбора дани, но и широкий круг торговых отношений, а также международных связей.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что князья в Древней Руси осуществляли судебную деятельность. Принятые ими конкретные правовые решения становились источниками права, прецедентами. Ссылку на конкретные судебные решения можно найти в ст. 23 Краткой редакции «Русской Правды». Ст. 2 Пространной редакции «Русской Правды» гласит: «Как судил Ярослав, так решили судить и его сыновья»⁹. Указание на княжеский судебный прецедент в более позднее, чем заключение договоров с греками, время лишь подтверждает, что прецедент, как источник права, был широко известен в Древней Руси и, безусловно, должен был охватываться понятием «закон русский», так как без него правовая система просто была бы неработоспособной.

Нормы, издаваемые русскими князьями, в какой-то мере систематизировали древние обычаи и традиции, не меняя их содержания по существу. Часть же норм поведения, устанавливаемых княжеской властью, просто не имела себе аналогов среди обычаев и традиций. Нормативная система могла функционировать лишь в том случае, если все перечисленные правила поведения органически сливались в единое целое, дополняли друг друга. В этой ситуации трудно предположить, что, заключая международные договоры, князья соглашались считаться только с древними русскими обычаями и традициями и не принимали во внимание правила и нормы, изданные княжеской властью. Логичнее считать иначе. Укреплению авторитета княжеской власти могло реально способствовать такое содержание «закона русского», где наряду с обычаями традициями, религиозными нормами и правилами, по крайней мере как равные им по силе и значимости, признавались и акты княжеской власти. Заключая договоры, князья тем самым как бы освящали и придавали дополнительный (международный) авторитет устанавливаемым ими нормам и правилам.

Подобное **толкование содержания** слов «закон **русский**» оправдано и тем, что слово «закон» происходит от древнерусского «кон», которое одновременно обозначало и

«исходное начало» и «границу, предел чему-то». Но в условиях классового общества исходное начало и границу поведения определяют не только древние обычаи и традиции, освященные вековыми привычками, но и политическая власть. И делает она это с помощью издания общеобязательных правил поведения. Поэтому трудно предположить, что, заключая договоры с греками, русские князья, ссылаясь на «закон русский», могли говорить об исходных началах и границах поведения, в определении и установлении которых они не участвовали и в утверждении которых они не были заинтересованы. Наоборот, княжеский интерес как раз и состоял в том, чтобы усилить свою роль в регулировании общественных отношений, в определении границ возможного, дозволенного и запрещенного поведения. Ссылаясь на признание «закона русского» греками и иными народами, а значит, и тех норм и правил, которые издавались княжеской властью, русские князья не просто легализовали свою законотворческую деятельность, но и смогли ее значительно усилить.

Таким образом, у различных народов термин «закон» исторически стал обозначать далеко не одинаковые по содержанию понятия. Рассмотренные в статье примеры свидетельствуют о том, что под законом понимали и религиозные установления, и обычаи, и традиции, и акты государственной власти. Такое положение, по всей видимости, обусловлено спецификой становления и развития системы нормативной (в том числе и нормативно-правовой) регуляции у различных народов. Там где в ее формировании, в установлении общеобязательных правил поведения существенную роль играла государственная власть термином «закон», как правило, обозначали издаваемые властью акты. Но чаще всего данный термин использовался для обозначения общеобязательных, правовых по своему содержанию правил поведения, в основе которых лежали обычаи и традиции или же религиозные установления.

Нынешнее понимание закона как акта верховной государственной власти есть следствие длительной эволюции правовых систем, развития философских и политико-правовых идей. Романо-германская правовая система, выросшая на основе рецепции римского права и воспринявшая его понятийно-терминологический аппарат, сохранила первоначальное римское понимание закона как акта государственной власти. Для правовой системы Русского государства, испытывавшего на протяжении нескольких веков весьма заметное влияние романо-германской правовой системы, традиционным все же было использование термина «закон» для обозначения не только актов государственной власти, но и имевших общеобязательное значение местных обычаев и традиций.

Утвердив в послеоктябрьский (с 1917 г.) период монопольное право государства на издание и формулирование норм права, мы сделали заметный шаг в сторону такого понимания термина «закон», которое сложилось в странах с романо-германской правовой системой, но так и не смогли достигнуть в полной мере ясности в понимании закона. Дело в том, что утвердившаяся на Западе система разделения властей привела к тому, что понятие закона было привязано в то время только к актам одной ветви власти – законодательной. Советская же политико-правовая доктрина не признавала до недавнего времени, как это хорошо известно, теории и практики разделения властей. Возможно, что данное обстоятельство и стало одной из причин того, что понятие закона у нас, хотя и связывалось в юридической науке только с актами высшего органа государственной власти, в массовом общественном сознании воспринималось как все нормативно-правовые акты, исходящие от органов государства. Попыткой примирить строго научное понятие и понимание закона в общественном сознании явилась теоретическая конструкция термина «законодательство» как системы всех действующих нормативно-правовых актов.

Так уж распорядилась история, что термин «закон» в русском языке (в греческом «*nomos*», латинском «*lex*», английском «*law*»), а также во многих других языках

употребляется для обозначения как юридических норм, так и необходимых и существенных связей в природе и обществе. Скорее всего здесь мы имеем дело не просто с совпадением, а с совпадением, которое имеет внутренние причины¹⁰.

В то же время ученые существенно расходятся во взглядах о том, когда и в какой области человеческих знаний сформировалось понятие закона. Г. Е. Глезерман полагает, что идея закона вначале была выработана в естествознании. К познанию же общественной жизни она была применена значительно позже, чем к познанию природы¹¹. В.Н. Голованов уточняет, что закон как категория познания является продуктом развития естествознания, а не философии, и понятие о нем зародилось в недрах естествознания XVII в. **Лишь** в конце XVIII – начале XIX в. категория «закон» стала объектом философского исследования (Кант, Гегель)¹².

Высказаны **по этому** вопросу и прямо противоположные взгляды. Еще в XIX в. русский ученый Б. Львов предпринял попытку доказать, что понятие закона прежде всего установилось в юридической области, а значит, в области человеческих отношений. Когда же оно было перенесено в сферу естествознания и получило там своеобразное значение, то обратная попытка применить естественнонаучное понятие о законе к области человеческой деятельности встретила ожесточенное сопротивление¹³.

Проблема генезиса понятия закона была исследована советским философом А. Д. Сириным, который убедительно доказал, что понятие закона было основательно разработано еще в античной философии, и прежде всего применительно к анализу социальных процессов вообще, юридических в частности. А.Д. Сирин верно подчеркнул, что в свое время античная философия не достигла такого уровня, чтобы закон мог быть охарактеризован одновременно с различных сторон, целостно, когда различные черты закона были бы синтетически соединены и не исключали друг друга, ибо для этого не было еще достаточно конкретного, в том числе и естественнонаучного материала, но она хотя бы и в наивной форме, но указала на все основные черты закона¹⁵.

Анализ взглядов основателя древнегреческой диалектики Гераклита дает основание судить о том, что он был первым мыслителем, который применил термин «закон» в изучении природных явлений, отождествил «*nomos*» (закон в юридическом смысле слова) с космическим законом (логосом), наделил логос свойствами, присущими правовым нормам. «В его глазах, – пишет Ф. Х. Кессиди, – космос – высшая система правовых норм, воплощение закономерности и необходимости»¹⁶.

Выработке понятия закона в естествознании предшествовала длительная эволюция естественнонаучной мысли. Открытия Архимеда не являются, строго говоря, законами. Скорее это правила, принципы. Сам Архимед так и представлял их себе. Называя открытия Архимеда законами, мы осуществляем ретроспективную экстраполяцию и присваиваем им наименования, которые сложились в значительно более поздний период развития науки. Открытия Галилея заложили основы науки, в фундаменте которой лежал новый принцип – закон. Однако сам Галилей называл открытые им законы аксиомами, а производные от них – теоремами¹⁷.

Косвенное доказательство того, что понятие закона разрабатывалось еще в XVII в. почти исключительно в лоне философской, социально-политической и правовой мысли, находим у Б. Спинозы, который полагал, что слово закон прилагается к естественным вещам в **переносном** (подчеркнуто мной. – С. Н.) смысле¹⁸.

¹ Спиркин А. Е. Происхождение сознания. М., 1960. С. 45.

² Львов Б. Социальный закон (опыт введения в социологию). СПб., 1898. С. 16.

³ Латинская юридическая фразеология. М., 1979. С. 87.

⁴ Нерсесянц В. С. Право и закон. М., 1983. С. 133.

- ⁵ *Даль В.* Толковый словарь. М., 1989. Т. 1. С. 588-589.
- ⁶ *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1984. С. 179.
- ⁷ *Алексеев С. С.* Азбука закона. Свердловск, 1982. С. 4; *Лукьянова Е. А.* Закон как источник советского государственного права. М., 1988. С. 24.
- ⁸ *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. М., 1987. С. 83.
- ⁹ История государства и права СССР. М., 1988. Ч. 1. С. 63.
- ¹⁰ *Сирин А. Д.* Краткий экскурс в историю взглядов на закон // *Вопр. марксистской философии и эстетики.* Иркутск, 1971, С. 4; *Тихомиров Ю. А.* Теория закона. М., 1982. С. 27.
- ¹¹ *Глезерман Г. Е.* Законы общественного развития; их характер и использование. М., 1979. С. 72.
- ¹² *Голованов В. Н.* Законы в системе научного знания. М., 1970. С. 29, 30, **77**.
- ¹³ *Львов Б.* Указ. соч. С. 16.
- ¹⁴ *Сирин А. Д.* Указ. соч. С. 3-31.
- ¹⁵ Там же. С. 16-17.
- ¹⁶ *Кессиди Ф.Х.* Философские и эстетические взгляды Гераклита Эфесского. М., 1963. С. 39.
- ¹⁷ *Голованов В. Н.* Гносеологическая природа законов науки. С. 10-13.
- ¹⁸ *Спиноза Б.* Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 63.